

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Шавеко Николай Александрович

кандидат юридических наук,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Ижевского института (филиала)

ФГОУ ВО ВГУЮ (РПА Минюста России)

E-mail: nickolai_91@inbox.ru

MULTICULTURALISM AND THE PROBLEMS OF ETHNOCULTURAL JUSTICE

Shaveko Nikolay Alexandrovich

Candidate of Law,

Associate Professor, Department of State Law Disciplines

Izhevsk Institute (branch) FSBEI HE VGUU

(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Izhevsk

E-mail: nickolai_91@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблема взаимоотношения этносов и культур в национальном государстве. Критикуются крайности мультикультурализма и «плавильного котла». Аргументируются следующие тезисы: 1) государство может и должно проводить активную культурную политику, в том числе связанную с поддержкой определенных добродетелей и ценностей; 2) культура этнического большинства не должна пользоваться никакими преимуществами перед культурами этнических меньшинств, за исключением того, которое дает ей общегосударственный язык; 3) этнические группы не должны иметь преимущества перед группами, образованными по иным критериям; 4) человек не имеет неотчуждаемого права на сохранение своего образа жизни и культурных ценностей, хотя и вправе придерживаться доступных культур и образов жизни.

Ключевые слова: мультикультурализм, плавильный котел, межэтнические конфликты, национальное государство, концепция блага

ABSTRACT

The article analyzes the problems of relations between ethnic groups and cultures in a nation state. The extremes of multiculturalism and the "melting pot" are criticized. The following theses are argued: 1) the state can and should pursue an active cultural policy; 2) the culture of an ethnic majority should not enjoy any advantages over the culture of ethnic minorities, except a national language; 3) ethnic groups

should not have advantages over groups formed by other criteria; 4) a person have not the absolute moral right to preserve its lifestyle and cultural values, although it has the right to choose between available cultures and ways of life.

Keywords: multiculturalism, melting pot, interethnic conflicts, nation state, concept of good

Современные государства характеризуются культурным, этническим, религиозным разнообразием, что порождает проблему обеспечения мирного сосуществования интересов тех или иных социальных групп в рамках одного общества. Какие теоретические принципы должны лежать в основе правового регулирования такого разнообразия? Общие призывы к толерантности и поиску компромиссов больше похожи на политические лозунги, чем на решение проблемы.

Рассмотрим лишь один из аспектов – взаимоотношения этносов и культур в национальном государстве. Здесь есть две противоположные крайности: мультикультурализм и концепция "плавильного котла". Первая настаивает на поддержке и развитии культурного многообразия. Вторая – на полном его уничтожении.

Наши тезисы относительно основ этнокультурной государственной политики сводятся к следующему: 1) государство может и должно проводить активную культурную политику, в том числе связанную с поддержкой определенных добродетелей и ценностей, что совместимо с либерализмом; 2) культура этнического большинства не должна пользоваться никакими преимуществами перед культурами этнических меньшинств, за исключением того, которое дает ей общегосударственный язык; 3) этнические группы не должны иметь преимущества перед группами, образованными по иным критериям; 4) человек не имеет неотчуждаемого права на *сохранение* своего образа жизни и культурных ценностей, хотя и вправе придерживаться доступных культур и образов жизни.

Рассмотрим эти тезисы по порядку. Раньше была актуальна концепция "нейтрального государства", согласно которой государство не должно оказывать преимущественной поддержки той или иной культуре. Но сегодня эта концепция совершенно неактуальна.

Во-первых, невозможно быть терпимым к радикальному злу типа фашизма или терроризма. Экстремистские и авторитарные культуры не имеют право на развитие. При этом Г. Маркузе [3, с. 101-104], М. Сэндел [6, с. 15] и другие философы отмечают, что существующая реклама и пропаганда, неприкрытое коммерческое жульничество, торжество логики "купи-продай" также противны сущности прав человека как средства для свободного самоопределения.

Во-вторых, обеспечение стабильного и справедливого правопорядка неизбежно требует поддержания и развития у граждан определенных добродетелей, что может и должно стать задачей государства. Руссо в связи с этим писал о "гражданской религии", сегодня это выражение тоже очень популярно. Монтескье также много писал о том, что без известной сплоченности

граждан республике не выжить. Сегодня обычно речь идет о таких качествах, как законопослушность, уважение прав человека, активная гражданская позиция, чувство ответственности и т.д.

В-третьих, со времен буржуазно-демократических революций, когда широкие слои населения были допущены во власть, и на них распространилась воинская повинность, встал вопрос об обеспечении высокой сплоченности народа, о выработке общей (национальной) идентичности, общих представлений о добре и зле, без которых демократии не функционируют [7, с. 11; 8] Конечно, эта идентичность должна допускать диалог и развитие, и не должна дискриминировать меньшинства или служить средством узурпации власти. Но она, очевидно, выходит за пределы простых гражданских добродетелей.

В-четвертых, у представителей самых различных культур и вероисповеданий, населяющих страну, может оказаться множество общих ценностей, которые государство вправе поддержать, если это не ведет к дискриминации кого-либо.

В-пятых, следуя кантрианской традиции, можно постулировать наличие некоторой общезначимой морали, которая также может служить ограничением тех или иных свобод граждан. Эта мораль должна быть обоснована в ситуации "исходного положения" методом "рефлексивного равновесия". Данные понятия выработал Дж. Ролз, к нему мы и отсылаем.

В-шестых, государство в принципе не может самоустраниться от ценностных вопросов, например, в дискуссиях о допустимости однополых браков и аборт не может быть нейтральных позиций [5, с. 294-304], все точки зрения морально-окрашены; между тем, ценности варьируются от культуры к культуре.

В-седьмых, поддержание тех или иных культур может быть обосновано не их внутренней ценностью, а иными соображениями. Так, сегодня в школах английский язык изучается как язык международного общения, русский язык – как государственный язык, т.е. оба – в утилитарных целях. Вымирающие языки могут защищаться не для того, чтобы гарантировать чьи-либо права, а исключительно как культурное наследие.

В-восьмых, в справедливом обществе должен быть найден некий баланс между государством, рынком и так называемыми "сообществами", то есть группами, характеризующиеся внеэкономической привязанностью и взаимопомощью их членов и обладающие собственной "моральной культурой", передающейся из поколения в поколение, но при этом открытой к изменению через моральные дебаты [13, р. 15-40]. Целый ряд западных ученых констатирует, что рост отчуждения, асоциального поведения, распад семьи, сокращение членства в добровольных общественных организациях, ослабление рабочей этики, спад политической активности стали серьезными проблемами Запада и США в частности, связанными с общим моральным упадком [12, с. 544-545; 10, с. 120-122]. Сюда же относится увеличение насилия, бездомности, разводов, отчуждения, зависимостей, взаимного недоверия [15, р. 293, 304]. И все это связывается с уменьшением роли сообществ.

Итак, сказанное демонстрирует, что, (а) государственная культурная политика может и должна породить достаточно сильные культурные привязанности населения, причем (б) эти культурные привязанности населения будут отличаться в различных странах.

Но является ли выходом мультикультурализм? Несмотря на то, что мы упомянули ценность отдельных сообществ внутри государства, мы в гораздо большей степени акцентировали ценность общегражданской культуры. То, что мы называем сегодня национальным государством, оказывается гораздо важнее, чем отдельные этносы. Современные нации, как утверждают ученые, – это воображаемые сообщества. Они имеют во многом искусственное происхождение, но воображают общую сущность и историю. Даже национальные языки – это во многом искусственное объединение разрозненных диалектов. Нации складывались в тесной связи с процессом индустриализации, то есть процессом разрушения традиционных укладов. Но это значит, что ее ценность тоже инструментальна, и не совпадает с ценностью этносов [1, с. 150-157; 11, с. 368].

Возьмем российскую нацию. Российская культура это не русская и даже не православная культура. Единственным преимуществом русского этноса можно назвать использование русского языка в качестве государственного, и то в стандартизированном варианте. Этому есть разумное объяснение: *"Общепринятый правовой подход заключается в том, что бюрократии должны разговаривать на языке большинства налогоплательщиков, а не налогоплательщики должны выучивать язык чиновников"* [9, с. 17]. Важно подчеркнуть, что титульный этнос получает преимущество не потому, что его культура лучше других, а лишь потому и в той мере, что в современном мире выглядит совершенно утопичной попытка предоставить каждому этносу свою государственность. Что касается других (помимо языка) элементов культуры, то вряд ли можно говорить о том, что они принадлежат титульной нации в большей мере, чем к другим: бытовая техника и электроника, мебель, автомобили, дороги и здания, радиостанции и кинематограф, еда в супермаркетах и одежда в торговых центрах – все эти элементы общей для всех нас культуры, как правило, лишены этнических маркеров, и имеют отношения к русским не большее, чем к чеченцам, марийцам или татарам. Главная их характеристика – стандартизированность, и эта характеристика обусловлена целями создания общенациональной культуры.

Отсюда – несостоятельность мультикультурализма. Главный вопрос, который здесь возникает, – это вопрос финансирования. Например, финансирование обучения, делопроизводства, средств массовой информации на местном языке. Почему граждане вообще должны тратить свои деньги на поддержку отдельных этносов, на сохранение и развитие их традиций и языка? И если мы стремимся к одинаковым шансам на развитие этносов, как далеко мы должны зайти в обеспечении этого равенства? Этнос в науке сегодня вообще рассматривается всего лишь как социальный конструкт, лишенный собственной сущности. Так в чем его ценность? Не правильнее ли наоборот финансировать

программы интеграции этнических меньшинств в общегражданскую культуру, а не программы сохранения отличий?

К тому же, различные этнические группы имеют разный уровень сплоченности и разные потребности в самосохранении, и зачастую сами представители того или иного этноса не заинтересованы в его поддержке. Ярким примером здесь могут служить восточно-финские народы, весьма склонные к ассимиляции [2, с. 57]. Вообще, социологи часто отмечают, что этническая идентичность у респондентов при отсутствии конфликтов не актуализирована до тех пор, пока о них специально не заходит речь, в частности пока ее специально не актуализируют недобросовестные политики. Пока власть сильна и справедлива, об этносах мало вспоминают.

Но и "плавильный котел" – вторая крайность, также показывает свои слабости. Ведь международное сообщество и отдельные государства не гнушаются политики поддержки этнокультурной самобытности. Почему?

1. Как правило, подобные нормативно-правовые акты отсылают к необходимости поддержания политической и социальной стабильности государств. Короче говоря, важна не ценность этнических и культурных меньшинств, а отсутствие межэтнических конфликтов. Симптоматично, что в отличие от коренных этнокультурных меньшинств, иммигранты в научной литературе, международных и внутригосударственных актах обычно не удостоиваются права на благоприятные условия для развития своих культур. Очевидно, что для поддержания стабильности мы должны уметь слышать любые меньшинства, не обязательно этнические, и вовлекать всех в общеполитический дискурс.

2. На наш взгляд, поддержка в той или иной форме культурной самобытности может быть также уподоблена тому, как некоторые архитектурные формы охраняются в качестве исторического и культурного наследия, а другие – ограничиваются в интересах первых, что учитывается при составлении документов территориального планирования. В этом случае весьма скромным аргументом в пользу сохранения этнического многообразия выступает ценность этнических культур как живых исторических памятников.

3. Преамбула Декларации ООН о правах коренных народов, принятой резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13.09.2007 года, указывает еще одно основание для поддержки возрождения, сохранности и развития их культур, а именно предшествующую историческую несправедливость. По нашему мнению, прежние "исторические несправедливости" не всегда могут служить основанием для так называемой "позитивной дискриминации" в настоящем. Для этого недостаточно того, чтобы поддерживаемая группа состояла из потомков ранее дискриминированных людей, и терпела последствия этой дискриминации. Требуется еще и то, чтобы в нынешних условиях ограничиваемая группа состояла из потомков людей, которые ранее практиковали дискриминацию в отношении первых, и пользовалась при этом плодами этой дискриминации. Естественно, все причинно-следственные связи должны прослеживаться достаточно четко.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что наиболее обоснованной является своего рода "мягкий" мультикультурализм. Это не полное безразличие к культурам этнических меньшинств и их естественной ассимиляции, и не борьба с этими меньшинствами, а их поддержка, но только в *строго* определенных случаях.

Решающим доводом против "жесткого" мультикультурализма как идеологии, согласно которой нации и культуры должны иметь равные права на развитие, является довод о некорректности понимания той или иной группы как "вещи в себе", подобно индивиду. Этноты и культуры развиваются, появляются и исчезают, и решающим фактором для них является поддержка со стороны причастных индивидов [14, р. 784, 787]. У групп как таковых нет неотчуждаемого права на существование, оно есть лишь у индивидов, их составляющих. В конечном счете, поддерживать можно и профессиональные, и семейные, и многие другие группы (образованные по критериям пола, возраста, религии, увлечений, состояния здоровья и т.п.), если в этом есть практическая необходимость. Таким образом, ценность любых групп должна обосновываться для и через индивидов, а не самих по себе.

Список литературы:

1. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 146-200.
2. Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000.
3. Маркузе Г. Репрессивная толерантность. // Маркузе Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 98-135.
4. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
5. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М.: МИФ, 2013. 352 с.
6. Сэндел М. Что нельзя купить за деньги? Моральные ограничения свободного рынка. М.: МИФ, 2018. 256 с.
7. Тейлор Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Москва, 2002. С. 11-37.
8. Тэйлор Ч. Почему демократия нуждается в патриотизме. // Логос. №.2. 2006.
9. Тишков В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 7-18.
10. Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 160 с.

11. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 364-380.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2017. 640 с.
13. Etzioni A. The Third Way to a Good Society. London: Demos, 2000. 63 p.
14. Walzer M. Pluralism: a political perspective. // Harvard encyclopedia of American ethnic groups. Harvard, 1980. P. 781-787.
15. Walzer M. The idea of civil society: a path to social reconstruction.// Dissent. Spring, 1991. P. 293-304.